

Каждый день одна фраза:

У всего в этом мире есть свое предназначение, и у тебя тоже. На свете существует лишь одна ты... поэтому... относись к себе лучше.

.....`?`?.....

Госпожа Деласоунс не хотела, чтобы я уходила, но и вмешиваться в мой выбор не стала — лишь по-своему старалась оставить обо мне хоть какую-то память.

Мы пили с ней чай, играли в го, разговаривали... Руки у нее были немного прохладными, поэтому я привыкла приносить ей грелку, наполненную горячей водой.

С того самого дня, как я сыграла с господином Деласоунсом партию в го, его взгляд неизменно лучился светом — это было то самое неожиданное, обжигающее воодушевление от внезапно обретенной родственной души. Обладать столь глубокими познаниями в таком возрасте — поистине выдающееся достижение среди сверстников. В итоге я оказалась вынуждена ежедневно разбирать с ним текущую политическую обстановку.

Истинно образ былых времен!

Он частенько повторял эти слова, и я знала, что он говорит о моем брате, ушедшем из жизни в расцвете лет.

Если бы Юй Цзэ был жив, вы вдвоем составили бы здесь редкостное сокровище среди талантов. Какая жалость... нынешний мир не терпит женщин на государственной службе... Он осекся, и в его взгляде, устремленном на меня, смешались сожаление, восхищение и густая, неразстворимая горечь.

Господин, еще никто и никогда не говорил, что женщинам запрещено служить государству.

На доске для го перекрещивались свет и тень.

Я легко опустила последний камень, и голос мой прозвучал тихо, но с не подлежащей сомнению железной решимостью:

Если кто-то против — значит, этого кого-то нужно устранить.

Партия решена одним камнем.

Господин Деласоунс долго молчал, глядя на доску, где его жвело полное поражение.

Я повернулась и взялась за ручку двери.

В следующий раз не забывай прятать концы в воду, а то потом слишком хлопотно замечать следы... — легко вздохнул он мне вслед, когда я уже повернула дверную ручку.

Не сбавляя шагу, я бросила через плечо бомбу, прозвучавшую легко, но весомо:

Господин... Этим людям осталось недолго. Не пройдет и пяти лет, так что лучше заблаговременно подумайте о собственном будущем.

Рука господина Деласоунса, собиравшегося разобрать партию заново, резко замерла, но он тут же продолжил опускать камни с самым невозмутимым видом:

Не думал... что ты зашла так далеко... Даже ты уже обо всем догадалась.

В ответ ему слышались лишь тишина да тихий щелчок закрывающейся двери.

Что за черт? Хозяйка, ты что натворила? — в глазах системы читалось кристально чистое недоумение, пока она прислушивалась к тому, как мы с господином Деласоунсом изъясняемся загадками.

Пустяки, иди спи, — я потерла переносицу и горько усмехнулась.

Слушаюсь!

С тех пор как я по собственной воле ступила в этот круг, возврата назад уже не было. Потратив год на создание собственной сети влияния, я незаметно подделала документы, успешно внедрилась во вражеские ряды и даже совершила поистине эпохальный подвиг — пять убийств за одну ночь.

У системы имелось фиксированное время для регулярной перезагрузки. Я уже проверяла: в этот период она никак не реагировала на внешний мир, так что я могла спокойно заниматься своими делами.

Я имитировала самоубийства и убийства жертв, а затем вместе со всеми обсуждала собственные следы и мотивы преступника.

Я никогда не убивала невинных, поэтому и не помышляла о том, чтобы скрывать что-то от господина Деласоунса.

Все те люди погрязли в коррупции и взятках, использовали чужие руки для расправ,

измывались над женщинами — каждый из их грехов переступал через саму человечность, и они вполне заслуживали смерти.

Вот только если бы я марала руки сама, на мне осталась бы несмываемая улика, и тогда путь на государственную службу заказан. Поэтому я просто вырастила отряд смертников, которые выполняли грязную работу за меня.

Предательство исключено. У них было одно неоспоримое преимущество: у каждого имелся собственный кровный враг. Впрочем, всё дело было в моем яде: в случае измены голосовые связки необратимо рвутся, а кости ломаются по всему телу. Даже если не умрешь, жить останется недолго.

Хозяйка~! Разве мы не договаривались на два дня? — система не стала углубляться в раздумья и почти взвыла, жалуясь мне.

Я бросила на нее ленивый взгляд и ответила прямо, с полнейшей уверенностью:

Кто тебе сказал, что два дня у нас, шаньдунцев, равняются сорока часам? Не умеешь вчитываться в условия задачи — получай плохой отзыв.

Брат Сизиф: цель недоступна, ничего не поделаешь. (σ;\*Д\*)σ Смертная казнь!

Впрочем, если подумать, я и так пробыла здесь достаточно долго.

Система, после выполнения этого задания мы вернемся? — болтая ногами, я устроилась на старой софре во дворе и прикрыла рукой слепящий свет.

Конечно, хозяйка, непременно! — система затерла ладонки от угодливости и зависла в воздухе.

Какое совпадение: двое братьев под деревом тихонько сидели на изумрудной траве, только вот солнце резало мне глаза до рези, и всё вокруг казалось погруженным в густой туман.

Ветер не жалел сил на дуновения; опустив взгляд, Иосиф поправлял кисти на палитре, его профиль казался мягким до призрачности. Клод прислонился к нему — такой тихий, что даже дыхание его казалось легким, словно тень.

Прекрасное до нереальности. Сидя на ветке, я покачивала ногами и смотрела на них сверху вниз, а в груди почему-то всплыли именно эти слова.

Вот ведь... внезапно всё расплылось перед глазами.

То ли солнце светило слишком ярко, то ли картинка была чересчур чистой, напоминая хрупкий мираж, который рассыплется от малейшего прикосновения, под мелодию забвения.

Казалось, дунь ветер чуть сильнее в следующее мгновение — и они вместе со светом станут совсем блеклыми.

Мне чудилось, будто между нами лежит слой недостижимого тумана, и эта дальность пугала до щемящей боли в сердце.

Ладно, пусть будет сегодня вечером, — я изменила решение, прислонилась полубоком к стволу и лениво отдала приказ системе.

Взгляд Иосифа задержался в густой листве и тут же быстро отскочил в сторону; он просто сидел молча, рассеянно касаясь кончиком угольного карандаша бумаги, а кончики его ушей горели сильнее солнца.

Клод поднял взгляд туда, куда только что смотрел его старший брат, и сразу же заметил задремавшую среди ветвей девушку.

Он задумчиво перевел глаза то на мирно спящую на дереве девчонку, то на брата, который уже полдня водил кистью по пустому холсту... Эх, братец, а не слишком ли очевидно ты палишься?

Тот немедленно отвел взгляд, уставившись в планшет и делая вид, что продолжает рисовать, однако кончик кисти так и не коснулся бумаги.

Светло-золотые ресницы опустились очень низко, выпавшая прядь волос скрыла невозможное скрыть волнение на дне глаз, и даже поза стала еще более напряженной и прямой.

Клод обреченно пожал плечами и, обхватив колени руками, послушно остался сидеть рядом с братом. И хотя их листы бумаги по-прежнему оставались чистыми, сидеть вот так, в тихом спокойствии, пожалуй, было неплохо.

□????????□?

Осталось четыре часа, хозяйка, прошу подготовиться, — система неторопливо прилегла на стол, сверяясь со временем, а затем покосилась на хозяйку, которая закинула ногу на ногу и крутила в пальцах ожерелье.

Я беззаботно откинулась на спинку дивана и подняла глаза на окно:

Сними с меня заклятие, — голос прозвучал холодно и непреклонно.

Но если снять его, нити снова оживут... — система испуганно взметнулась перед моим лицом, не веря своим ушам.

Сними, — я даже не глянула на ее потрясенный вид, сама поднялась на ноги, подошла к двери и легко коснулась прохладного дерева.

Хорошо, — вероятно, понимая, что не в силах переубедить хозяйку, система все же неохотно подчинилась.

Ух... — в следующую секунду невидимая сила вырвалась изнутри, словно тысячи тончайших и острейших нитей разом стянули все конечности, а затем принялись кромсать плоть дюйм за дюймом.

Потухшие было иконки в глазах вмиг вспыхнули ярким звездным сиянием, замирая то ярче, то тусклее. Вслед за этим удушающая боль хлынула из грудной клетки по всему телу, к горлу подступил соленый привкус крови, в глазах заплясали черные круги, и весь мир перевернулся.

Слишком долго я жила в сытости и комфорте, чуть было не позабыв о прошлом, что въелось в кости и кровь, и о тех никем не ведомых муках.

Повернув ручку, я открыла дверь и шаг за шагом поплелась к саду под открытым небом. Прохладный ветерок пахнул в лицо, но не смог заглушить внутреннюю боль, лишь немного прояснив затуманенный мозг.

Отыскав взглядом мягкий желтый свет, я обошла дерево и обнаружила Иосифа, прислонившегося к толстому стволу.

Чего ты здесь сидишь? — я обошла дерево и набросила на него принесенный с собой плед. — Простудишься же.

Уголки губ Иосифа едва заметно дрогнули. Он протянул руку и потянул меня к себе, заставляя сесть рядом, а его голос прозвучал одновременно сосредоточенно и отрешенно:

Ждал тебя.

Какое совпадение, а я всё жду, когда же кое-кто меня отыщет, — я прислонилась к нему, устраиваясь рядом, а в конце фразы голос мой взлетел на мажорной ноте.

Ночь ласково укутывала сад, лунный свет струился сверху, покрывая листву и ветви слоем мягкого сияния; легкий ночной ветерок колыхал лепестки и листья, рождая мелкие, безмолвные тени.

Вдали мерцали тусклые огоньки, похожие на растекающийся теплый туман, а тонкий аромат зелени смешивался с ночным ветерком и с чем-то невыразимым словами.

Юй-ань, что ты планируешь делать в будущем? — Иосиф слегка повернул голову, и теплый свет словно нарочно ласкал его профиль, смягчая привычно холодные черты, но взгляд оставался донельзя глубоким и тихим.

Не знаю, я об этом не думала.

Я не обернулась, продолжая смотреть на одинокую луну высоко в небесах, позволяя его взгляду мягко скользить по мне — не уворачиваясь, но и не отвечая на него.

А ты? Каким видишь свое будущее, чего бы тебе хотелось?

Мм, я-то... скорее всего, заменю отца и продолжу дело семьи, — Иосиф по-прежнему вглядывался в лицо сидящей рядом девушки, а на дне его глаз таилось едва уловимое ожидание. Чего же он ждал?

Наконец я медленно повернула голову и встретила с ним тихим взглядом. Лунный свет упал на самое дно наших глаз, обнажая всё, что до сих пор оставалось невысказанным.

Иосиф, ты боишься.

Это прозвучало не как вопрос, а как утверждение.

Его ресницы едва заметно дрогнули, но он не стал отрицать.

Хочу узнать, чего именно боится мой Юй-юй? — я подвинулась к нему ближе, намеренно используя более привычное, ласковое прозвище — ведь особые слова принадлежат только тебе одному, — чтобы сократить дистанцию в общении.

Иосиф отвел взгляд, пряча глаза, закусил губу и, следуя за струящимся лунным светом, тихо усмехнулся, опустя голову:

Да уж, я боюсь... — он замолчал, словно что-то почуяв, и посмотрел на мои руки. — Мне приснился сон. Во сне и ты, и Клод ушли... даже не оглянувшись, совсем как прежде, и я остался совсем один...

Рука, что лежала у меня на колене, невольно отпрянула. Сжав то самое ожерелье, я почувствовала, как острый край рассек ладонь, и стиснула пальцы еще крепче.

Я выдавила из себя относительно безмятежную улыбку:

С чего бы вдруг? Всё ведь бывает наоборот, и с каких это пор ты стал суеверным?

Обернувшись, я игриво изогнула брови:

И неужели какой-то сомнительный сон стоит твоего страха? Перестань бояться... С чего бы мне уходить? Мне еще вести тебя и Клода на ярмарку.

И правда, с чего бы тебе и Клоду бросать меня? Мы должны всегда быть вместе, — ледяной холод в уголках глаз Иосифа растаял под лунным светом, пальцы, висевшие вдоль тела, медленно разжались, уголки бровей разгладились, а прежде плотно сжатая линия губ изогнулась в мягкой улыбке.

Рядом с ней он сбрасывал ту отчужденную вежливость, с которой встречал гостей днем; рядом с ней он мог всегда оставаться просто Иосифом... кхм, хотя, пожалуй, ей привычнее звать его Юй-юй.

Господин Деласоунс говорил, что в последнее время ты стал принимать гостей вместе с ним. С чего это вдруг такая внезапность? — я легонько ткнула Иосифа пальцем в руку, а в моих глазах читалось искреннее недоумение.

Мм... просто заранее готовлюсь, отец передал мне большую часть полномочий, — легко улыбнувшись, Иосиф в ответ перехватил мою руку, и теплые кончики его пальцев укутали мою прохладу.

Наверное, это очень утомительно. Впрочем, со мной Иосифу вовсе не обязательно так себя сдерживать, — я непонимающе попыталась высвободить руку, но передумала, перехватила его ладонь в ответ и покачала головой: — Видишь, ты определенно простудился.

Хозяйка, взгляни на меня, ты серьезно? Ну и бревно же ты, — система с видом крайнего разочарования парила рядом, но, заметив, как показатели шкалы благосклонности идут вразнос, всё же молча умерила негодование и втянулась обратно.

Иосиф Деласоунс: благосклонность 90% (критический рубеж преодолен).

Заметив, что ладонь выскользнула, Иосиф почувствовал, как сердце резко ухнуло вниз, и печально опустил ресницы.

Но стоило мне перехватить его руку в ответ, как этот показатель взлетел вновь — нет, снова, и снова, и снова! Сердце, только что летевшее в пропасть и даже затаившее обиду, вдруг ожило с новой силой.

Кровь мгновенно ударила в голову, окрасив всё его лицо в алый цвет — от щек до самых кончиков ушей.

Система: бу-га-га, парень, ты попал по полной, ахахах ☹(??▽?)☹

<http://bllate.org/book/20901/2113077>